

М. С. ЗНАМЕНСКИЙ

ДНЕВНИК АУЛИЕ-АТИНСКОГО ПОХОДА (1864 г.)

Сегодня байга, устроенная милицией*¹. Но об этом роде увлечений я имел уже понятие и видеть подобное зрелище второй раз желая не чувствовал, а потому и предпочел поехать с Чоканом Валихановым и М. к торчащей перед нами башне, но и тут неудача. Видимая ее близость оказалась обманчивой, пришлось бы проехать туда [всю] ночь, да, пожалуй, еще наткнуться на какое-нибудь происшествие. Не следовало забывать, что мы прогуливались по чужой земле. Ну, и отъехав версты две, мы воротились снова в лагерь, который застали веселящимся, т. е. около начальнической палатки огромный хор солдат орал песни сального содержания. Какой-то артист чуть не полчаса ходил на руках вниз головой, болтая рифмованную чушь и выделывая ногами разные штуки, очень потешающие хохочущую публику.

Я со зрительной трубой принялся разглядывать башню, освещенную заходящим солнцем. Мой гость муфтий тоже заинтересовался взглянуть на нее и, возвращая мне трубу, сообщил об этой башне следующую легенду: «Давным-давно тут был город, и жил тут манап, а у него родилась дочь красавица, ну он и спросил у ученых людей, что с ней будет? Те сказали, что умрет она от каракурта. Ну, манап и велел построить высокую башню наверху, и там жила его дочь. Только не помогло это. Кому уже как умереть, тот так и умрет; не помогла и башня, принесли ей раз плодов, да недосмотрели, а там был каракурт, укусил ее, и она умерла».

— Эту легенду надо понимать аллегорически, — вмешивается подошедший развеселившийся воин. Отец засадил ее туда просто чтобы сохранить ее девство, ну-с, и... — развеселившийся воин пустился в рассказ...

13 мая. — Сколько раз посылал... вы не сказываете, поди разбуди... — говорит Чокан Валиханов, с которым я решил добраться сегодня до башни, Алексею Федоровичу.

— Извольте, будите сами, я не могу. Как же я буду будить, ведь они благородные.

— Да разве благородных не будят? — но с моим Алексеем Федоровичем столкнуться было трудно. Оказалось, гораздо проще будить самому.

Однако же моя вечерняя решимость скакать куда угодно утром оказалась несостоятельной, и я, перевернувшись на другой бок, снова унесся далеко от бурливого Чу. Дневки очень располагают ко сну, даже когда уже не хватает никакой физической возможности спать...

Около ближайшей передо мной палатки священника собрались солдаты и певчие. Хочется отцу духовному сегодня молебен отслужить, и ходит он в своем казинетовом полукафтани и серенькой шляпе, постоянно осведомляясь, не проснулся ли полковник; то же самое интересуется и моего сожителя Губаря*², назначенного сегодня в рекогносцировку осмотреть дорогу верст на 10 вперед.

Вот запищал что-то сигнальный рожок.

— К обедне благовестят, — замечают наши драбанты, наливающиеся чайком. Потянулись солдатики, и начался молебен. Кончилось водосвятие, и началось ошибочное захождение в нашу палатку имеющих экстренную потребность до Василия Павловича, гостеприимного маркиганта.

Стоянка у всех, кроме меня, развивает какую-то задорливость, то и дело что затеваются пикировки, переходящие в занятие крутым словом. Не любящие же ничего горячего или спят, или лениво толкуют о разноречивых сведениях, полученных нами со стороны еще пока далекого Аулие-Ата. По последним нашим известиям, там нет никаких тысячных толп, а такой же гарнизон, какой и прежде был, и таким манером тянулся незанимательный день скучно и долго и дотянулся по обыкновению до зари с церемонией: с громким пушечным выстрелом, нестройной музыкой и яркой высоко взлетевшей ракетой; настала ночь, по обыкновению темная, прохладная, с лающими собаками,

квакающими бесчисленными лягушками. Веселая компания, сгруппировавшись в одной палатке, в тридцатый раз начинает запевать: «Возле речки, возле мосту», — но выходит что-то не то. «Спиться-то спились, а спеться не успели», — острит лавирующий между палаток солдат.

15 мая. Концерт у нас по утрам, заступы на черенки налаживают, точат их; и, я думаю, нарочно при этом такой шум поднимают, чтобы слышно было и у подошвы Александровского хребта*³. Дело в том, что вчера начали здесь закладывать первое Зачуйское укрепление, что, как говорят, очень удивило киргиз. В прежнее время два года ходили по этим местам и только разоряли городки, а теперь сами строятся. «О урус, урус», — шепчут многие из милиционеров и группируются подальше от лагеря в пестрые кружки и начинают толковать между собой, должно быть, объясняя необыкновенное явление.

16 [мая]. После надоевшей долговременной стоянки, развившей у всех почти воинственность, обнаружившуюся словесными турнирами, мы продвинулись дальше. Вот и башня проводила нас, там и сям валяются полусгнившие лоскуты войлока да кояк-деревяшки, расколотые пополам, и сшитая ремнем чаша, обломки глиняной посуды — вот все археологические находки, предстающие глазам любознательного путника. Далее следуют остатки Токмака, издали очень похожие на полуразбитую желтую мазанку, направо и налево идут ровные, [расположенные] правильными квадратами загородки прибитой глины аршина на полтора вышиной.

— Тут были все сады, — говорит мне султан*⁴, — все вырублено, даже пенька не осталось.

Действительно, не осталось ни пенька, только трава с красным маком да большими незабудками — пейзаж уже приевшийся, направо — горы, перейденные нами, без снежных вершушек, налево — Александровский хребет со снежными вершушками, прямо белеется Курисай.

— Посмотрите, гауптвахту стоит срисовать, — говорит мне Д.*⁵, выезжая из узеньких Токмакских ворот по кучам мусора в виде бутылки.

— Скажите, пожалуйста, что за цель была разрушать Токмак и вырубать сады?

— То же самое, как и теперешний поход, — отвечал он, ловко перепрыгивая через разделявший нас Токмакский узенький ров.

— Вот солдат, который не послушался в ущелье, — показал мне подъехавший субалтерн*⁶, — сожигатель решил его дело.

— Чем?

Да передано [было] в суд роты, та и передала его на месяц без очереди в караул, ну а Ч.*⁷ нашел это решение слабым и приказал отобрать у него ружье и заставить пасти быков. Плачет, просит хотя ружье-то ему возвратить, никогда, говорит, я без ружья не был.

18 [мая]. Вчера обещали нам дневку в награду за большой переход, но сегодня в 12 часов решение изменено и велено было в три часа двинуться дальше; разумеется, спорить не стали и к назначенному часу белевшие палатки исчезли, словно сон, на солнышке остались только темные комки в виде лежащих и кричавших верблюдов с нашим имуществом на горбах.

Священник с охотниками двинулся вперед. Через час после его отъезда двинулись и мы; сегодняшний день оделся в какую-то мрачную одежду; солнца нет, по небу быстро летят клочья серых туч, ветер дует нам в спину, взметает массы пыли, а при такой обстановке тянувшийся огромный отряд с пушками, верблюдами и волами кажется очень грозным. Я свернул в сторону за версту, чтобы посмотреть вблизи на одиноко торчащее священное дерево, темнеющую массу, любопытство тянуло поскорее доскакать до нее. Но по дороге, усеянной могильными памятниками, один своей красотой заставил меня остановиться и срисовать его. Этот могильный памятник — муллушка*⁸, как называют их русские, походил на небольшую церковь с легким куполом, с разными украшениями над

дверьми и ярким фантастически изящным орнаментом внутри; войти в такую муллушку в жаркий день — истинная отрада. Но, к сожалению, за весь поход такие муллушки приходились всегда почти на середине^{*9} дороги и тем самым не позволяли мне срисовать до мельчайших подробностей все их живописные изображения. Кроме того, в некоторых внутренняя раскраска отбита дикокаменными киргизами. В одной из таких муллушек я встретил под куполом ряд человеческих фигур, [нарисованных] взамен орнаментов; тут были фигуры, поражающие тигров и сражающиеся между собой пиками, караваны зеленых верблюдов, женские фигуры, подносящие кумыс наездникам. Фигуры были пестры и яркие, но рисунок первобытный, что-то среднее между рисованием ребенка и нашими суздальскими рисунками^{*10}.

— Каким это образом попали в муллушки изображения людей? — спросил я Чокана Валиханова, — когда у мусульман это строго запрещено.

— Ну киргизы только слова, что мусульмане, даже я их мусульманнее.

Занявшись муллушкой, я подъехал к Мерке с арьергардом.

Глиняные домики, стоявшие перед крепостью, были пусты; пробираясь в крепость, мы встретили киргиза, навьючившего себя жердями от кибитки.

— Зачем ты это утащил? — решил я заметить ему. Еще решительнее повторил этот же вопрос мой спутник, ротный командир.

— Приказано, — ответил нам лаконически киргиз, не поворачивая даже головы, и пустился далее.

У первых ворот крепости сидела сухая фигура слепой старухи, только клочки седых ее волос да белая тряпица на голове, трясаясь, отделялась от темной стены. Прочее же — ее полунагое сухое тело и клоки рубища — все это было одного цвета с бронзовой стеной. Всякий, понимающий киргизский язык, узнавал от нее, что 4 дня назад все жители Мерке, узнав, что идут русские, убежали в Аулие-Ата, бросив и свои стены, и все на произвол судьбы русских; миновав поскорее это жалкое подобие человеческой фигуры, я въехал в ворота и очутился у подошвы холма, на котором стоит крепость. На страшно неровной, грязной и прорытой ручьем местности стояли кибитки, обложенные соломой, или одни только черно-красные остовы их; в грязи валялись старый войлок, бараньи шкуры, циновки, огромная арба с поломанным колесом. Все показывало на суматоху, с которой бежали жители от грядущих цивилизаторов. Запах мертвечины так и бросался в нос. Штаб, приехавший раньше, нашел тут несколько трупов; были ли это больные, брошенные в поспешном бегстве и умершие с голода, или убитые, — неизвестно; у одного не было головы, у другого объедена рука, в третьем копошились черви. Но чтобы не портить аппетита, лучше подобные вещи не рассматривать, по крутейшей узенькой дороге подняться в самую крепость.

У крепостных ворот стоят двое караульных казаков, поставленных начальством в предупреждение расхищения жалких остатков. При нашем приближении они сочли долгом лениво крикнуть вниз на солдат и казаков, забравших остовы кибиток на дрова. — «Не трогайте, ребята, не приказано». Ребята посмотрели вверх и тронулись с ношей восвояси. У этих ворот на маленькой платформе, словно на пьедестале, сидел тоже брошенный на произвол судьбы сухонький мальчик с большими черными глазами; вскинул он на нас глаза и снова принялся с жадностью за сухари, данные ему солдатами. Солдаты, как мне говорили, считают долгом принимать на свое попечение подобных подкидышей и кормят на перерыве, иной раз лишая себя последней котомки, чтобы уложить беднягу помягче. Если это так, то они очень мало в этом случае походят на казаков. За переход до Мерке в одной крепостце также нашли мальчугана-идиота. Казаки в мудром совете своем порешили было пришибить его, может, он только дурачком притворяется, а на самом-то деле лазутчик какой.

В крепости то же самое, что в предместье, торчат пустые мазанки, да скелеты кибиток; зашел в казармы — сыро, пусто и грязно. Заглянул в прикрытую доской яму, существующую в качестве гауптвахты, не дай бог попасть туда, одна сторона этой сырой

ямы, именно по направлению к ближайшей стороне холма, имеет нишу; очевидно, какой-нибудь заключенный, может быть, последний из заключенных, намеревался костями прорыть себе свободу. На маленьком дворике лежит издыхающий охотничий ястреб, оттолкнув его с дороги, я взобрался на своего серого флегматика и двинулся в лагерь, [чтобы] утолить свой жар горячим чаем.

Около нашего лагеря был некогда садик, обнесенный глиняной стеной. Теперь тут желтеют только два деревца, остальные вырублены в прошлом году на поправку крепости после нашего разорения. Около этого сада стоит полотняная палатка, прикрывающая холмистую насыпь. Это могила знаменитого манапа и батыра Джан-Карача, и, по обычаю, до тех пор, пока над прахом не построится муллушка, будет стоять эта палатка. Был при манапе и почетный караул, но, разумеется, услышав о нас, изменил праху храброго и бежал с прочими прочь. Наша милиция прежде всего отправилась к этой могиле, выстроилась перед ней и спешила, и начали молиться^{*11}. Садик считается священным, два деревца увешаны тряпками и обложены костями жертв. Здесь, по уверению киргизов, сидел, отдыхал и стриг себе ногти (Аулие-Ата).

— Уже это так верно, — отвечают они вам на вашу какую-нибудь скептическую выходку касательно этого достоверного факта.

24 [мая]. Намерение мое встать пораньше и идти срисовать крепость в первобытном виде, так как за нее принялись еще вчера наши солдатики, чтобы переделать по-нашенски для остающегося тут гарнизона и части обоза, не состоялось, только в семь часов, вооруженный карандашами, я подступил к этой твердыне, но увы, от прежнего осталось очень мало. Я сел около саженного островка, на котором посреди лохмотьев сидели мальчуган и старуха.

— Аман (здравствуй), — сказал я мальчику.

— Аман, аман, — весело заговорил он и, колотя себя по голому пузу, прибавил, улыбаясь: джаксы (хорошо), — потом показал на мешок, наполненный сухарями.

Старуха сидела молча, устремив свои белые глаза к крепости, откуда несся стук кирок и солдатский говор, щеки ее были мокры от слез, а тонкие бронзовые губы постоянно двигались.

Подошедший солдат сказал мне, что мальчик просит, чтобы взяли его с собой в Аулие-Ата, так как отец его еще осенью ушел туда, оставив его на попечение одного джигита, который в свою очередь поручил его произволу.

Завтра зоолог, этнограф, Валиханов и горный офицер^{*12} оставляют штаб и с ротой, горным орудием и казаками идут в горы. Мы намерены простоять здесь дня три и потом идем к нашей цели Аулие-Ата, оттуда же известий никаких, и большинство полагает, что и аулиеатинцы убегут точно так же, оставив нам несколько калек.

А в ожидании аулиеатинских калек мы пока любимся собственными.

— Пожалуйста, кушать, — произносит с обычной своей улыбкой штабной вестовой, просовывая свою голову в нашу палатку.

Подобные приглашения служат сигналом, по которому является Алексей Федорович с чайником не совсем чистой воды, и мы начинаем совершать свой туалет. Чай, он снова закурил папиросу. Ташкентцы послали посольство к оренбургскому генерал-губернатору.

25 [мая]. Мерке. В 10 часов подошли мы и к этой крепости, к первой не разрушенной на нашем пути. Зубчатые стены, угловые башни с зубцами и из-за стен выглядывающее строение — все это смахивает на средневековый феодальный замок, так знакомый мне по картинам. Глазая далеко, один за одним вкатываемся под зеленый шатер, штабные размещаются около длинного стола на чем бог послал; ранее пришедшие сидят на складных стульях, опоздавшие садятся или на бочонок, или на пустой ящик с надписью «киевское варенье» и т. п.

У Валиханова на тарелке лежат два листика желтой лощенной бумаги, исписанные и с печатями в конце, третью он читает и переводит. Это письмо манапов.

— Услышали мы, — читает Валиханов, — что идут русские, и просим принять себя в

подданство царя белого, желаем всю жизнь есть соль царскую. Мы прежде были подданными хана и ели его соль, но власть хана ослабела, просим охранять наши пашни от потравы. Пашни-де царские, и скот наш — скот царский. Если мы будем хорошими подданными, то жалуйте нас, а коли худыми, то наказывайте.

Обеды эти никогда не проходят молчаливо. После чтения писем начали передавать сведения об Аулие-Ата. В Аулие-Ата 1000 человек гарнизону, 500 домов, 2 пушки, рассказчик, получивший эти сведения от киргиза, успевшего пробраться к ним, показывает руками величину в аршин, одна треснувшая, у коменданта 30 крепостных ружей. А сколько у джигитов, он того не знает. Жители Аулие-Ата уверены, что царь русский брат Аулие-Ата не позволит, точно так же, как и Туркестан. Придут-де русские, как и в прошлом году, посмотрят и уйдут.

Но речь из повествовательной постоянно переходит в полемическую и делается общей...

— Это слово не русское, прежде оно не употреблялось и теперь не употребляется в русской речи, — слышится с одного конца.

— Господи! Опять что-то новое, — произносится с другого. Право, и в университет ходить не стоит, за один поход энциклопедистом будешь.

— А употребляют ли это слово московские просвирни, — прорезывает общий хаос [голосов] из центра, — так как говорят, что у них только и можно слышать чистую речь.

Из-за которого [слова] делается общая кутерьма и крик, и, когда шум позатих, оказывается, что речь идет о слове баранта.

— Баранта — это совсем не то, что вы называете барантой. Баранта допускается киргизским законом. Это не более как угон скота у провинившегося. Значит восстановление правосудия самовольными действиями. А то, что вы называете барантой, — называется чапу*¹³.

И снова хаос голосов. Ласточки, прогнанные из провалившейся крепости и начавшие лепить свои гнезда на подпорках нашего шатра, бросают работу и удаляются.

— Хорошо было бы Байтыка и других подобных ему господ вместо всяких ухаживаний за ними нагайками сечь и (розгами) драть следует.

— Разумеется, против этого взгляда на вещи спорить нельзя, он существует у многих еще, вот, например, у плантаторов. Но я должен заметить, что у киргизов телесного наказания не существует и не существовало.

— Ну, вот вещь! Это новость. — Раздался хор, такой громкий, что возвратившиеся было ласточки сделали сальто над нашими фуражками и исчезли вновь.

— А если теперь существуют в степи нагайки, — продолжал хладнокровно оратор, выдержав залп [голосов] противников, — то они внесены цивилизаторами русскими.

— Ну да, сказать, может вы докажете.

— А в доказательство я вам укажу на приказ областного губернатора — генерала Клейста*¹⁴. В нем между прочими проектами об улучшении быта киргизов есть и о нагайках.

Примечания:

*¹ ...байга, устроенная милицией. — Имеется в виду казахский милицейский отряд, принявший участие в военной экспедиции полковника Черняева.

*² Губарь — офицер, погибший во время перегона животных из Аулие-Аты в Верный.

*³ Александровский хребет. — До этого и ныне Кыргызнын-Алатау.

*⁴ То есть Чокан Валиханов.

*⁵ Д. — Имеется в виду офицер Ф. С. Добровольский, служивший дежурным штаб-офицером Зачуйского отряда, но ушедший с аулие-атинского похода в 1864 г.

*⁶ Субалтерн — младший офицер, подчиненный ротному командиру.

*⁷ Ч. — полковник Черняев.

*⁸ От казахского мола, например, ак-мола — белый памятник.

*⁹ Очевидно, надо читать: *на стороне*.

*¹⁰ Зачеркнуто: *изображающие руки и ноги палочками и линиями*.

*¹¹ Милиция состояла только из казахов.

*¹² *Завтра зоолог, этнограф... и горный офицер*. — Имеется в виду Н. А. Северцев, впоследствии академик, принимавший участие в походе полковника Черняева, затем Ю. Д. Южаков из Тобольска и Фрезе, инспектор Алтайского горного округа.

*¹³ Чапу — вооруженное нападение с целью грабежа. Царские чиновники обычно путали этот термин с барымтой.

*¹⁴ Клейст Е. А. — генерал-майор, исполнявший должность пограничного начальника Области сибирских киргизов.

Источник: Валиханов Ч. Ч. Собрание сочинений в пяти томах. Том 5 – Алма-Ата, Главная редакция Казахской советской энциклопедии, 1985, 2-е изд. доп. и переработанное, стр. 247-254